

РЕЧЬ И ПИСЬМО

Рецензия на книгу: Д.Ю. Дорофеев *Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре*. – СПб.: РХГА, 2015. – 639 с.

Б.В. МАРКОВ

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета.

b.markov@spbu.ru

Цитирование: МАРКОВ Б.В. (2017) Речь и письмо. Рецензия на книгу: Д.Ю. Дорофеев. *Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре*. – СПб.: РХГА, 2015. – 639 с. // Философские науки. 2017. № 8. С. 154–159.

Давно ведутся дискуссии о том, какой должна быть история философии. С одной стороны, простое реферирование и интерналистский подход сегодня уже никого не удовлетворяет, ибо он не спасает от произвола исследователя. Выбор и интерпретация источников чаще всего не контролируется даже им самим. С другой стороны, осовременивание прошлого, социокультурный подход тоже чреват релятивизмом. Поэтому главным методологическим достоинством рецензируемой монографии можно считать удачное сочетание философско-антропологической рефлексии и историко-философской реконструкции. Интерпретация источников осуществлена на основе современных теорий речи и письма, слова и образа, личности и индивидуальности, благодаря чему тексты античных авторов получают более глубокое истолкование. И наоборот, современность оказывается осмысленной в горизонте истории. Исследователь, разрабатывающий тему коммуникации, найдет в книге интересный материал, который открывает новые (на самом деле забытые) перспективы анализа межличностного (face to face) общения. Для историка античной философии философско-антропологические подходы к пониманию языка и коммуникации, личности и общества также будут весьма полезными и помогут глубже и основательнее представить величие корпуса идей античной культуры.

В первой части своей книги Д.Ю. Дорофеев обсуждает взаимосвязанные проблемы личности и коммуникации. Казалось бы, здесь все устоялось и разногласия преодолены. Но хотя территория «защищена», остались, так сказать, «мины» замедленного действия. К числу таких философских ловушек относится, прежде всего, разделение понятий личности и индивида. Индивид понимается либо как биологическое существо, либо как элемент коллектива. Но если, как это сделал Дорофеев, покопаться в старой философской литературе, то обнаружатся иные аспекты индивидуальности, связанные с духовностью и уникальностью человеческого, что обнаруживает историческую преемственность современной проблематики отчуждения и экзистенции. Также обстоит дело с понятием личности, в определении которой решающую роль сыграла

социология. Между тем опять-таки современные проблемы, например, идентичности, обнаруживают недостаточность ролевого подхода и требуют для своего решения философской рефлексии. Личность — это не только множество ролей, которые вынужден исполнять современный человек. Личность раскрывается в монографии Д.Ю. Дорофеева как лицо, идентичность, сингулярность, индивидуальность, самость, суверенность и автономность (с. 147). В процесс реконструкции разнообразных источников — философских концепций, литературных произведений, исторических документов — автор выявил сложную борьбу индивидуального и социального в античном обществе.

Не меньше трудностей и в теории коммуникации. Современное общество акцентировало обмен сообщениями, информацией, обесценило то, что какое-то время назад называли межличностной коммуникацией, общением лицом к лицу. В эпоху масс медиа уже не книги и речи, а яркие образы, гипнотические ритмы и звуки определяют жизнь людей. Поэтому востребованной оказывается аналитика медиумов невербальной коммуникации, таких как лицо, тело, жест, голос. Современные техники философствования, сложившиеся в эпоху книжной культуры и интерпретации текстов, плохо приспособлены для анализа аудио-визуальных медиумов. Наоборот, античные философы основательно разрабатывали аналитику невербальных коммуникаций и, как показал автор, нам есть чему у них поучиться. Он не ограничился семиотической интерпретацией античной культуры. Такие медиумы коммуникации как совместная еда, игра, состязание (*агон*), полемика, борьба, еда, любовь и дружба и другие являются не только знаками, посредством которых индивиды представляют себя на сцене жизни. Они ценны, доставляют наслаждение или боль не только значениями, которые они выражают, но и сами по себе, как формы жизни. Именно в непропозициональности и состоит особенность непосредственного опыта по сравнению с высказываниями.

Пир, торжество сопровождается пением и музыкой. Сегодня люди насыщаются, глядя в экран телевизора. Наши предки пели застольные песни. Они славили свой род и своих героев, а не погружались в транс. Гимны и дифирамбы исполнялись сообща и объединяли собравшихся. Очевидно, что музыка обладает более сильной властью, чем философия, и рассказ о встрече Одиссея с сиренами лучшее тому подтверждение. Откуда же исходит сила музыки, изнутри или снаружи, чем она оказывает воздействие? Если рассматривать музыку с семиотической позиции, то приходится искать значение, смысл, идею, которую выражает музыка. Но скорее всего она предназначена не для этого, и интерпретировать ее по аналогии с другими знаками, значит выбрать неверное направление. Платон, как известно, настороженно относился к рапсодам, сочиняющим романтические песни, уводящие слушателей в темные глубины души, и рекомендовал исполнять героические песни, открывающие дорогу подвига. Таким образом, музыка не столько непосредственно отражает или выражает идеи, сколько влияет на настроение. Способность музыки и поэзии воздействовать на чувства приводит к выводу, что она оказывается важной предпосылкой размышления, задает его настрой.

Способ жизни, переживание самости, чувства боли, страдания, тоски или радости и счастья — этот переживаемый только мною опыт является непропозициональным и нетранзитивным, т.е. вербально невыразимым. Я не могу описать свои уникальные переживания, так как язык не предназначен для этого. Поэтому и другие не могут знать, каково мне в моей душе и в моем теле. И все же мы каким-то образом понимаем чувства других людей. Судя по текстам античных философов о музыке и поэзии, о любви и удовольствиях, и вообще о разных умениях и ремеслах, они понимали, что для постижения истины одних разговоров, даже в форме сократовского диалога, недостаточно. Для того, чтобы более полно представить содержание античной философии, историку следует научиться техникам анализа различных аудиовизуальных, ольфакторных, эротических, боевых и иных практик. Собственно поэтому и стоит писать и читать работы по культуре повседневности, написанные философами.

Письмо и чтение — следующая тема, обстоятельно развернутая в монографии Д.Ю. Дорофеева. Центральное положение философии в системе классического университетского образования определяется верой в образовательные, воспитательные и коммуникативные функции письма и чтения. Поскольку речь и письмо, как открыл Августин в своей «Исповеди», не просто кого-то о чем-то информируют, но одновременно гуманизируют, социализируют, словом, вырывают из животной жизни и приводят в культурное состояние, постольку система классического образования была одновременно и воспитанием, причем патриотическим. Именно это обстоятельство и заставляет нас сокрушаться, когда мы видим ее распад.

Реформа образования привела к проблеме подготовки социально ориентированного специалиста. Главная проблема, какими технологиями формируются социальные добродетели людей? Ответ на этот вопрос Д.Ю. Дорофеев находит в античной заботе о себе. То, что сегодня называют «человеческим капиталом» — главное богатство общества расценивается по уровню заботы, которую взрослые должны уделять подрастающим поколениям, чтобы дать необходимое воспитание. Греко-римская культура включала совокупность антропологических прототехник, которые формируют тело и дух человека. Способность контролировать себя, коммуникабельность, владение культурными кодами выражения чувств и желаний, способность жить вместе с другими, трудолюбие, терпение, сдержанность, стойкость, чувство вкуса, здравый смысл и физическая выносливость — все это традиционные элементы воспитания, которые должны сохраняться в любых, в том числе и «виртуальных» культурах. Забота о подрастающих поколениях — основной закон эволюции общества. Успешно развиваются те, кто находит для этого эффективные технологии.

В связи с этим предпринятый Д.Ю. Дорофеевым анализ культурных и цивилизационных процессов методами так называемой медленной истории и культурной антропологии представляется весьма актуальным. В текстах античных авторов автор увидел, прежде всего, раскрытие воспитательной сущности литературы, театра, музыки: они нормализуют

страсти и желания людей, культивируют социальные ценности и поэтому должны изучаться не только эстетикой и литературоведением, но и философией. Вот уже более двух тысяч лет, когда началось эпоха высоких культур, человечество практикует для достижения этой внутренней цивилизованности книги и лекции. Как и чем они воздействуют на человека, почему он начинает вести себя иначе в результате восприятия слов? Стандартный ответ на этот вопрос дают эпистемология и философия языка. Слова отсылают к истине, фиксируют знания, несут важную информацию, в соответствии с которой выстраиваются «планы и структуры» поведения. Однако данное объяснение годится для так называемого инструментального поведения, но не пригодно для понимания актов самоотречения, сдержанности, уважения, не говоря о любви, жертвенности, святости. Между тем это и есть высшие формы культурной воспитанности или, как говорили раньше, интеллигентности. Разные люди могут достигать согласия, если придерживаются одинакового понимания, что такое истинное и ложное, плохое и хорошее. Литература тоже раскрывает истины и нормы морали и тем самым вооружает людей знанием о том, как правильно жить. Приобщая к прекрасному и возвышенному, она нормализует страсти и желания людей.

Д.Ю. Дорофеев предпринял обширный экскурс в теорию и историю речи и письма. Язык — это не просто медиум, репрезентирующий успешные действия, он сам есть своего рода ценнейшее достижение. По мере того как действия сопровождаются словами, по мере того как сами они становятся тем, что колет и ранит, огорчает и радует, происходит удаление от окружающей среды, ширится знаковая сфера человеческого существования. Язык мифов и сказаний, восхваляющий богов и героев, неверно расценивать как некие праформы философского и даже научного мировоззрения. Важнее другое: миф и сказание объединяли первобытный коллектив. Еще одна функция речи состоит в том, что она оказывает воздействие на другого. Причем это не связано с передачей информации или каких-либо знаний. Автор показал, что язык возникает как медиум устной коммуникации, стимулирующей взаимодействие присутствующих (с. 13–39). Говорящий и слушающий слышат одно и то же и объединяются в некое сообщество. Значимыми для аудитории являются ритмика, музыка, риторика речи, личная память певца-сказителя. Устная речь по существу является перформативом, речевым действием. Актуальное переживание истории — главное достоинство устной коммуникации.

Д.Ю. Дорофеев обстоятельно раскрыл антропологические последствия письменности. Письмо абстрагируется как от звука, так и вида букв, они превращаются в знаки, отсылающие к «значениям». На основе связи лишённого значения знака с лишённым значения звуком сформировался западный человек. Автор показал, что речь и письмо не эквивалентны. Устная речь в силу затруднений в дифференциации звука и смысла содержит значительный элемент «заговора», когда речью, именами пытаются подействовать на вещи. Письменность обеспечивает новые операции письма и чтения, где различают не звук и смысл, а сочетание букв и смысл. Письменность требует меньшего количества энергии, она соци-

ально избыточна, ибо расширяет круг адресатов и требует не участия, а подсоединения к коммуникации.

Герменевтическая теория письма, в которой центральным понятием становится текст, пытается доказать, что между автором и читателем возникает такое же отношение, как и между участниками устного диалога. Действительно, долгое время считали, что речь и письмо не отличаются, что текст — это записанный буквами голос. Но если обратить внимание на форму, в которой протекает письменная коммуникация, то обнаружится ее важное отличие от речи. Письмо упорядочивает суждения и строится по линейному принципу. В нем действуют новые критерии значения и авторитета. В речи главное — громкий голос и величие, в письме — знание того, чего не знают другие. Письмо и чтение осуществляются в одиночестве и оказываются несоциальными активностями. Социальной является лишь сама коммуникация. Центр ее тяжести смещается в сторону информации. Устная речь больше обеспечивает согласие людей и меньше передачу информации. Письменность обостряет внимание к предметности, следствием чего является контроль субъективности. Так формируются понятия, необходимые для правильного познания и мышления.

Изобретенная для сакральных, используемая для государственных целей, письменность постепенно становится универсальной формой коммуникации. Письменный текст, написанный в прошлом, доходит до читателя не сразу. Он требует понимания, рефлексии и интерпретации. Важнейшим следствием эволюции письменности был отрыв знаков от вещей. В письменности событие и сообщение дифференцированы, включается рефлексия и интерпретация. Письмо может быть отложено и осмыслено. Решения принимаются не сразу, а спустя время. Собственно, письменность и рождает мышление.

В отличие от звучащего слова, заполняющего слышимое пространство, навязывающего себя всем, кто присутствует в нем, письмо компактно и незаметно. Его легко скрыть или игнорировать. Зато оно живет и после смерти автора, который продолжает говорить с потомками. Благодаря письменности вымысел и фантазия получает возможность реализации в литературе. И все же устная речь и опирающееся на нее фонетическое письмо и до сих пор не могут вполне освободиться от ранее культивированных антропологических, особенностей. Отталкиваясь от концепций «пайдеи» и «заботы о себе», Д.Ю. Дорофеев подробно изучил различные формы межличностных отношений, которые еще не стали предметами рефлексии. Особо стоит отметить аналитику форм дружеского общения. В книге обстоятельно проанализированы техники воспитания, основанные на отношении «учитель — ученик». Предметом философско-антропологического анализа стали такие формы коммуникации, как дружеские застолья, пиры, любовь, супружеские и шире семейно-родственные отношения (с. 233–261). Особенно хотелось бы выделить очень подробный и глубокий анализ феномена эпистолярной коммуникации в античной культуре. Автору удалось актуализировать традицию переписки, дневника, воспоминаний, автобиографии, исповеди (с.

471–510). Действительно, все эти, казалось бы, оставшиеся в прошлом формы самосохранения, сегодня, благодаря интернету, снова становятся массовым явлением, и потому нуждаются в культивировании.

Оценивая книгу в целом можно сделать вывод, что собранный автором материал и его философское осмысление будет полезен, как историкам, так и культурологам. Хайдеггер исследовал античную философию в аспекте различия бытия и сущего. Мыслитель у него не столько свободный гражданин, состязающийся на *агоре* в искусстве речи, сколько коренной житель, который обитает в бытии, получает от него знаки. Наоборот Делёз считал, что для зарождения философии понадобилась встреча греческой среды с имманентной мысли: Д.Ю. Дорофеев осуществил топологическую рефлексию греко-римской жизни и существенно дополнил начатые еще М.К. Петровым и Г.С. Кнабе исследования пространств повседневности, особенность организации которых оказывала влияние, как на форму, так и на содержание античной мысли.

Есть книги, которые могут быть прочитаны и процитированы, и есть книги, которые должны быть всегда под рукой. Думается, что к ним можно отнести монографию Д.Ю. Дорофеева. Собранный в ней исторический материал, реконструкция форм жизни античного мира и их влияния на содержание философских концептов, представляют собой настоящую энциклопедию греко-римской культуры.

SPEECH AND WRITING

Book review: *D.Yu. Dorofeev. Personality and Communications. Anthropology of Oral and Written Words in Ancient Culture. – Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy, 2015. – 639 p.*

B.V. MARKOV

Markov, Boris – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Philosophical Anthropology, Saint Petersburg State University.
b.markov@spbu.ru

Citation: *MARKOV B.V. (2017) Speech and Writing. Book review: D.Yu. Dorofeev Personality and Communication. Anthropology of Oral and Written Words in Ancient Culture. – Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy, 2015. – 639 p. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 8, pp. 154-159.*